

пожелај
мне
СНЕГА

18+

наталья шелет

Наталья Шемет

Пожелай мне СНЕГА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51856239

SelfPub; 2025

Аннотация

Мы придумываем то, что хочется, выдаем желаемое за действительное. Хорошо бы не делать поспешных выводов, но как? А сердце к сердцу стремится. Есть она. И есть он. И где-то есть города, в которых идет снег... Окружающий мир изменился. На улице она разглядывала здание, выставившее в ее сторону самый настоящий пятый угол. В отражении витрин виднелись расплывчатые фигуры... Все, что нам нужно – больше времени. Его катастрофически не хватает на тех, кто нам дорог. Все просто, проще некуда. Но кто знает, сколько их – вероятностей... А вы бы хотели встретиться с тенью? Не страшно?.. Писатель пишет роман или роман «пишет» судьбу писателя? Мы притягиваем в мир светлых и темных сущностей, оживляем и даем им силы. И при этом творим судьбу – и не только свою. И любовь имеет значение... Эти и другие истории вы можете прочитать в сборнике городского фэнтези и мистики. Истории, полные волшебства и любви.

Содержание

Единственная вероятность	4
Просто тень	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Шемет

Пожелай мне СНЕГА

Единственная вероятность

Рождество, 25 декабря

– Здравствуй.

– Здравствуй! Как же я рада тебя слышать! Ничего не поменялось? После работы, как и договаривались? Я отпросилась немножко пораньше, так что буду вовремя, успею ещё забежать в магазин и купить что-нибудь. Как же я хочу тебя видеть, так рада тебя слышать, ой, я это говорила, извини, просто соскучилась, уже бегу...

Девушка тараторила в трубку и не давала возможности позвонившему произнести хоть что-нибудь в ответ. Почти смеясь от счастья, не обращала внимания на то, что говорит слишком громко, что прохожие оборачиваются, что её улыбка совсем лишняя в хмуром городе. Ну что поделать – даже если с силой сжать губы, сохранить строгое выражение лица не получится – радость наружу просится!

Боже мой, как же она безумно счастлива его слышать!

По прошествии стольких лет – всё время одно и то же. «Люблю-люблю-люблю» – и неважно, что знакомы так давно. «Здравствуй» – и готова лететь на другой конец города, бросив всё на свете, отложить дела и встречи, поломать планы, отказаться от всего.

На него у неё всегда было время.

Что значит было? Есть! У неё времени невозможно много. Вся жизнь.

– Маш, погоди, я перезвоню.

– Хорошо, конечно!

Девушка засмеялась, сунула мобильник в карман, поправила разметавшиеся светлые волосы. И не холодно без шапки. Ни капли не холодно! Даже жарко! Потеплело к вечеру? Ну куда ж ещё теплее – и так декабрь побил все рекорды, как говорили в прогнозах, по средней температуре или что там. И снега нет.

Декабрь выдался дождливым и пасмурным. Ёлка на центральной площади сверкала, её товарки по всему городу искрились и переливались, лишь немногим уступая главной красавице, праздничные убранства должны были радовать и веселить, но... Нового года не чувствовалось.

Не хватало снега и ощущения волшебства.

С Данькиной же вечной занятостью Маша последний месяц чувствовала себя совсем покинутой. Хотя сегодня чудо произойдёт. Нет, уже произошло! Он позвонил! Она знала, знала, что ну хоть к Новому году всё должно измениться!

Тем более, они собирались отметить вместе Рождество. Всегда отмечали оба праздника. И тот, который двадцать пятого декабря, и седьмого января. Вот, сегодня день особенный... чудесный, светлый.

В кои веки его планы не поменялись.

Главная улица была ужасно многолюдной этим вечером. Люди лились потоками в одну и другую стороны, задевая друг друга локтями, сумками, пакетами...

Раздался звонок, Маша вдохнула побольше пропитанного сыростью воздуха и приготовилась снова сказать, как счастлива, и произнести ещё много-много добрых ласкостей.

– Мышонок, извини, я не смогу.

– Что?..

Слова обрушились снежной лавиной, накрыли с головой. Дышать стало нечем.

Девушка резко остановилась, на неё налетел мужчина, чертыхнулся. Маша не обратила внимания. Маленький огонёчек, горевший в сердце с самого утра, – радость от возможной встречи, надежда на то, что вечер они проведут только вдвоём, а не на вечеринке, не на презентации, не на множестве других мероприятий, которые он был обязан посещать, – погас.

Снега не было. Было просто сыро и мерзко. Холод заползал в сердце.

– Ну вот, ты снова надулась, – по-своему отреагировал

мужчина на молчание. – Как всегда. Ну знаешь же, что я занят. И что мне стоит больших трудов находить время...

– На меня, – перебила, не сдержалась. – Знаю.

– Так, только обид мне сегодня не хватает. Я позвоню завтра, Маша.

– Хорошо, Дань, – убитым голосом ответила девушка.

Впрочем, знала – знала же, что Даниил слишком нужен всем. Почти привыкла. Но не под Новый год же, боже мой!..

Новый год всегда для неё был особенным праздником. Большая семья – мать и отец, тети, дяди, их дети и друзья детей – шумные, общительные. Долгое время в Машиной жизни несколько дней до и после первого января были весёлыми и счастливыми. Маленькая, а после и повзрослевшая Машенька верила, что именно в Новый год происходят чудеса.

Чудо произошло, когда она несколько лет назад, как раз в конце декабря, познакомилась с Даниилом. Маша только-только пережила расставание и не собиралась начинать новых отношений. Судьба распорядилась иначе – подарила Даньку, который вихрем ворвался в её жизнь и затмил собой всё. Он был самым лучшим, самым-самым... и остался таким. Молодой сотрудник быстро набирающей обороты фирмы, внимательный, умный и ответственный. И ещё честный. Это последнее ошарашивало и подкупало. Вот несмотря на его честность, а может именно благодаря ей, Даниилу прочили ведущее место в фирме. И правда, за пять лет он

значительно продвинулся по карьерной лестнице, никого не подсидев и не столкнув вниз. Холодный с виду, не склонный к спешке, методичный и рассудительный, он успевал везде. А ещё для него оказались очень важны семейные связи: сколько раз Маша видела, как он помогал родным, близким и дальним... Последнее всё решило окончательно. Впрочем, нет, неправда. Маша не могла сказать, что именно нравится ей в нём больше всего. Но с самого начала поняла, что это её человек, и сейчас, пускай прошло пять лет, только рядом с ним чувствовала себя дома. Родная душа – так это, наверное, называется.

Время летело. В конце концов стало казаться, что она знала его всегда и он всегда находился рядом, даже если его рядом и не было. Привыкла к такому раскладу – скучать по нему, а потом при встрече говорить, говорить, говорить... и слушать.

Благодаря Даниилу, а вернее, его частым отъездам, у Маши было много свободного времени, которое она тратила с пользой: сменила работу на более высокооплачиваемую и, главное, которая была как раз по душе, пошла на танцы, научилась танцевать фламенко, даже выступала пару раз. Не профессионально, конечно, но было интересно. Данька ею гордился.

Жаль только, что времени у него на неё становилось всё меньше и меньше. Чувство дома в душе порастало тоской, как камни у реки мхом. Медленно, но верно.

А ещё Даня не был романтиком. Но разве это главное в жизни?

Все говорили – что же вы тянете, отношения не оформите? А то, мол, время уйдет. Она, смеясь, отмахивалась: что значит печать в паспорте?! Ровным счетом ничего. А вот и вправду время ушло. Их время вышло. Закончилось. Давным-давно, а она и не заметила. И всё ещё держится за эти приносящие мало радости отношения. Кем она была для него? Удобная вещь – как стол, стул, то, что есть рядом всегда. А когда нет, можно сесть и за другой стол, и на другой стул. Нет, Маша не подозревала Даньку в изменах и не ревновала к другим женщинам, но ревновала. Ко всему миру. И к тому времени, которое он уделяет другим.

Кажется, в этот Новый год произойдет анти-чудо. С последним телефонным звонком в Маше что-то сломалось. Надежда, державшаяся на тоненькой ниточке, оторвалась и улетела воздушным шариком в серое декабрьское небо.

Если быть честной, она никак не могла представить их вместе, в будущем. Не получалось. Даня всегда виделся в окружении интересных, порой важных и солидных людей, а она в это общество не вписывалась. Маленькая. Светленькая. Улыбчивая. Как есть – мышонок. Так он её и называл.

Все эти пять лет.

Такие отношения многих бы устроили. Полусвобода, ну, чего ещё желать? Только если немножко больше – вместе.

Она и просила. Усиленно, отчаянно, настойчиво. Просила чуда на Новый год – Даньку. И больше времени для них двоих...

Смотря под ноги, сталкиваясь с прохожими и не утруждая себя словом «извините», Маша шла домой, понимая, что сказка закончилась. Аккурат к Новому году, к тому времени, как и началась когда-то. Видимо, кто-то на небе, в ответ на её надоедливые просьбы, в сердцах вывел в их с Даником истории жирное слово «конец», чтобы Маша не докучала больше.

Ведь правда, человек всегда находит время на то, что ему нужно. А если не находит – значит, не сильно-то и хочется.

26 декабря и чуть позже

– Ну что, всё ещё обижаешься?– его голос звучал как обычно.

– Нет, – тихо ответила Маша. Она и правда не обижалась. Просто ждала. Как всегда.

– Сегодня мы тоже не сможем встретиться. Не сердись, Мышонок. А завтра я уезжаю в командировку и вернусь как раз тридцать первого декабря.

Маше показалось, что ещё мгновение – и у неё попросту остановится сердце. Только не на Новый год. Только не это... хотя ещё вчера она была уверена, что именно так и будет, реальность ударила сильнее, чем домыслы.

– Тебе правда очень-очень нужно ехать?

– Ну, конечно, нужно. Послушай же, Мышонок! Я возвращаюсь утром тридцать первого. Отсыпаюсь, и приходи встречать Новый год.

Произнес это так просто, так буднично – словно покупал хлеб в магазине. Даже с клиентами Данька ласковее!

С ними он и вправду был более милым, чем с ней. Ну конечно, они важны – и на каждого он готов потратить любое количество времени. Нет, он не был карьеристом, как думали многие – ему на самом деле очень нравилось общаться с людьми. Столько контактов, знакомых, столько возможностей... постоянные разъезды-встречи-командировки, дружба-знакомые, меценатство-благотворительность – как так можно жить, она не понимала. Как можно находить для всех нужные и важные слова, а с ней вот так... никак? Наверное, она просто привычка. Но он же для неё – нет?..

Надо же, так просто – приходи. Вот так можно оставить её до самого Нового года одну, когда все ходят друг к другу в гости, загодя празднуют, провожают Старый, а она...

Будет ждать.

Разве может поступить иначе?

Время пролетело быстрее, чем можно было представить.

Маша устроила грандиозную уборку, навела в квартире сумасшедше-идеальную чистоту, помогла с парой-тройкой утренников для подруг с детишками... на работе были заранее взяты отгулы – не стала переигрывать ситуацию. С блес-

ком отыграла роль Снегурочки – внезапно нарисовавшийся знакомый искал помощницу, и они каждый день ездили и поздравляли друзей, знакомых и родственников. Было здорово. И очень помогало убить время. Быть занятой – значит, не думать. Тогда времени нет на грустные мысли. Вернее – ни на какие мысли нет времени. То, что она помнила о Данииле постоянно, было само собой разумеющимся. Думает ли он о ней вполтину столько, сколько она? Впрочем, это не её случай – Маша всегда жила ощущением причастности непричастной. Вроде и вместе, вроде и порознь. Вроде пара, вроде она и одна.

...Вскоре выпал снег и столбик термометра за окном соизволил опуститься ниже нуля. Белые-белые хлопья принесли с собой ощущение чистоты, новизны и радости. Новогоднее настроение быстро захватило город в добрый волшебный плен, на лицах людей чаще появлялись улыбки. Само время несло в себе ощущение чуда. По вечерам, в свете огней и фонарей, город преображался и выглядел ожившей сказкой. Хрупкие снежиночки на шапках и варежках детворы сверкали бриллиантовой крошкой, каждая девушка казалась если не принцессой, то вот-вот готовой превратиться в неё Золушкой, а женщины все, как на подбор, выглядели феями.

Маша хотела одного – чтобы время пролетело скорее и эта неделя наконец-то закончилась! И больше ничего не загадывала, не просила и не мечтала ни о чём. Просто работа-

ла Снегурочкой и исполняла чужие желания.

Когда она, улыбающаяся, покрасневшая с улицы, входила в квартиры, и они с Егором-Морозом начинали отыгрывать программу, дети пищали от восторга, мамы чуть с опаской поглядывали на мужей. А им было чем заинтересоваться! Маша на самом деле была миленькой. Аккуратные черты лица, тонкая кожа, светлые, почти прозрачные серые глаза и чуть великоватый рот, губы слегка тронуты блеском – помадой Маша не пользовалась, любой цвет смотрелся на её полных губах вульгарно. Длинная светлая коса толщиной в руку была настоящей.

Прелесть, а не Снегурочка.

Машина грусть таяла в насыщенной весёлой программе. А ещё великоватая снегуркина шапочка, надвинутая по самые брови, падала на глаза и позволяла незаметно смахнуть не вовремя выступавшие слёзы.

Радость и смех ребятишек были самой настоящей наградой. И счастьем.

31 декабря

Наконец-то наступил долгожданный день, половину которого Маша провела в нетерпении. Делать было ничего не возможно, всё валилось из рук. Говорить ни с кем не хотелось, идти куда-нибудь – тем более. Не выдержав, Маша сама набрала заветный номер и замерла в ожидании ответа.

– Я ещё сплю. Ну что ты звонишь? Блин. Разбудила.

Его голос на самом деле звучал сонно. А ещё – недовольно.

– Прости...

Сердце лениво отстукивало в груди удары. Тук, тук. Тик, так. Как старые, уставшие часы.

– Нет, всё нормально. Приходи, как договаривались.

«А как мы договаривались?» – готово было сорваться с губ, но Маша произнесла:

– Да, хорошо. Конечно. До встречи.

Маша ждала вечера в состоянии лёгкого отупения. Бродила по дому, вытирала несуществующую пыль, одним глазом поглядывала в экран телевизора, машинально отвечала на телефонные звонки и поздравления по Интернету. Есть не хотелось. Готовить тоже. Даже гирлянду на небольшой ёлочке в углу комнаты включать не стала.

А потом легла спать.

Сон ей приснился странный. В нём был один Дед Мороз, одна она, Маша-Снегурка, и три Даниила. Она металась между Даньками, заглядывала в глаза, прикасалась к каждому со страхом и надеждой, осмелев, с силой ощупывала плечи, руки. И не могла выбрать одного из трёх. Они были разными, хотя – одним и тем же человеком.

Проснувшись, Маша долго массировала виски, пытаясь избавиться от тяжести в голове. Выпила чашку крепкого кофе, влезла в любимое, очень красивое и в то же время удоб-

ное вязаное серое платье. В прихожей надела курточку, в ползабытьи забыв про шарфик и перчатки, и вышла на улицу.

В высоких замшевых сапожках, в платье, оставлявшем открытыми колени, светлой курточке с капюшоном она сама казалась Снегуркой. Или, скорее, маленьким потерявшимся рождественским эльфом, который исполнил все новогодние желания, а его собственное так и осталось всего лишь загаданным.

Сапожник без сапог. Эльф без сказки. Снегурка без Деда Мороза.

Вероятность первая

Даниил открыл сразу. Красивый, родной. Наклонился поцеловать – словно расстались вчера. Еле сдерживая желание повиснуть на шее, Маша легонько обняла его, чуточку ткнулась губами в губы и отпустила. Больше всего хотелось остаться стоять вот так, сердце к сердцу, тут, в прихожей, и не отпускать его до самого Нового года. Наверное, это отразилось у неё на лице, потому что Данька...

– Мой ты бедный романтичный Мышонок, – произнес он, обнимая её и целуя в волосы. Улыбку она ощущала почти физически. – Ну, хватит, хватит. Ещё мокроты не хватает. Ладно, давай, пошли, сейчас закажем еду, чего бы ты хотела? Не дело же сидеть просто так. У меня только шампанское. Про него я не забыл!

Маша прижалась к нему крепче.

Данька положил ладони ей на плечи и чуток отодвинул от себя, заглянул в глаза.

– У меня для тебя сюрприз. Специально ждал до Нового года. Думаю, ты оценишь. Но сначала пускай наступит полночь. Как там – должны пробить куранты!

Маша не хотела сюрпризов, мало того – она их боялась. Последнее время было столько ссор и недомолвок, недосказанностей и недопонимания... Каждый из сюрпризов чаще всего заключался в том, что Даня говорил, мол, Маш, сегодня не смогу, давай завтра. Или вот ещё лучше: уезжаю, вернусь, позвоню.

И сейчас настроение у Маши не улучшалось категорически. Ей бы сесть рядышком, близко-близенько, рассказать, как она ждала и как скучала, как работала Снегурочкой, но у него то звонил телефон, то звонили в дверь, а чуть позже неожиданно явились гости – два парня и девушка, Маша видела их впервые.

Ближе к полуночи их еле-еле удалось выпроводить.

– Что же мы творим, Маш, – смеялся он. – Выгнали людей под Новый год на мороз!

Настроение у него было на удивление хорошим. Маша не могла взять в толк, что происходит. Почему-то отчаянно ждала подвоха.

Пробило полночь.

– С Новым годом, Мышонок, – произнес Даня. – Загады-

вай желание.

Странно это было слышать от него.

– А ты? Чего ты хочешь?– спросила девушка.

– Хочу, чтобы в следующем году наконец-то осуществился проект, над которым я работал весь год, – серьёзно произнес он. – А ещё...

Даниил опустил руку в карман пиджака, висящего на спинке стула.

Маша поставила бокал шампанского на стол, в глазах блеснули слёзы:

– А я бы хотела, чтобы у тебя было время на меня.

– Ну ты чего?– улыбнулся он.

– Ничего, – ответила Маша с такой горечью в голосе, что, наверное, могла ею отравить не одно Рождество и не один Новый год. – Ничего. Как всегда.

– Ну сейчас же я тут. Понимаю, ну, да, меня часто нет, но... – он выглядел удивленным и слегка настороженным.

– Именно. А я есть. Я всегда есть, просто есть, как стол, как стул, как... как... что я для тебя? Ну что?

– Мышонок...

– Ответь, что?..

Она не договорила, чувствуя, что слёзы сейчас хлынут потоком, неожиданно злые слёзы. Выскочила из-за стола – посуда задребезжала. Хотелось кричать и бить тарелки. Так некрасиво.

– Знаешь что... – краем сознания Маша понимала, что

завтра ужасно пожалеет о сказанном, и что очередная ссора может оказаться последней, но остановиться не могла. – Знаешь что... Хватит, Данька, хватит. Не могу больше. Я на тебя убила столько времени! Все эти годы... хорошо, что не больше... не могу больше... я уйду, все, хватит, хватит!..

– Убила? – усмехнулся Даниил, чуть приподняв брови. Кажется, это было единственное, что он уловил. На лице застыло непроницаемое выражение.

– Именно. Дань, ты сам, ты-то знаешь, что такое – ждать? Можешь себе представить, каково это? И ещё... что может быть хуже, чем ждать? Это не дожидаться, Дань, понимаешь? Я так устала ждать тебя, так устала ждать – и не дожидаться. Так нельзя. Это ненормально. Так люди не живут! Я... уйду.

– Ну, если ты так хочешь, – взгляд его стал равнодушно-колким, отстранённым. Как она всегда боялась именно такого его взгляда! Чаще всего это означало, что он обижен, и, будь Маша чуть-чуть адекватнее в данный момент, могла бы предположить, что не стоит перегибать палку, слово не воробей... куда там.

– Тебе всё равно? – выкрикнула она. – Ах так... Ну и... к чёрту всё! Не ищи меня. Не звони мне! Всё кончено, Дань. Ты мне... жизнь испортил! Столько лет... Я на тебя убила всё это время, пять лет света белого не видела, никого кругом не замечала, а ты... бессовестный, бессердечный... эгоист! Ненавижу! Ну что ты молчишь?! Да тебе вообще в этой

жизни кто-нибудь нужен, кроме самого себя?

Она замолчала, готовясь выдать ещё пару подобных фраз, но слова комом застряли в горле. Какой вообще смысл?

Маша неслась как оглашенная, не разбирая дороги. Снег застилал глаза, девушка плакала и вытирала ладошками лицо, но это помогало мало – густой красивый снег валил огромными хлопьями и вкупе со слезами мешал смотреть. Маша бежала, пока не налетела на кого-то. Этот некто не оттолкнул, а подхватил одной рукой, прижал к себе, как родную, бережно и крепко.

– Ну что ты, девочка? – произнес густой бас над ухом. – Натворила дел, да?

У поймавшего её мужчины были очень добрые глаза. А лицо – старое, морщинистое, в обрамлении седых волос... усы, борода. Взгляд скользнул вниз – шуба красная, во второй руке – посох, искрит, переливается в неверном свете фонарей льдинистыми серебринками.

– Дед Мороз? – пробормотала она и вдруг вцепилась в его плечи намертво, бледные замершие пальцы побелели ещё больше:– Сделай чудо для меня, пожалуйста! Соверши! Новогоднее! Прошу, умоляю!

– Ну что же... ты была хорошей девочкой. Исполнила столько чужих желаний. Пожалуй, я могу исполнить твое. Что ты хочешь, Снегурочка? – ласково произнес Дед Мороз, и Маша сбивчиво стала объяснять, мол, много ссорились по-

следнее время, да, по её вине, и вот сейчас, в Новый год, тоже виновата, наговорила глупостей, и неправды наговорила, и не думает так, и стыдно, так стыдно, и терять его, Даньку, не хочет. Ни за что! Свой, родной, любимый. Но что делать теперь? Слов-то сказанных не вернуть.

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы у него было больше свободного времени! И всё, больше ничего, ничего!

– Но ничего не бывает просто так, понимаешь?

– Понимаю.

– А если тебе не понравится то, что получится?

– Понравится! Хуже быть не может!

– Это же не сделка, просто закон такой, если где-то прибыло – где-то убыло, тут ничего не поделаешь. Мало ли...

– Я согласна! – выкрикнула Маша. И добавила тихо, умоляюще: – Согласна...

– Ну хорошо. Но многое от тебя зависит.

Дед Мороз взмахнул посохом, и вокруг потемнело, словно разом убрали весь снег. Звуки исчезли тоже. У Маши заложило уши, как в самолете, когда тот идет на взлет или посадку, и в объявшей её давящей тишине отчетливо послышалось тиканье часов. Тик-так... Громче, зазвучало прямо в голове, до боли пробивая сознание, и вдруг остановилось. Вновь стало светлее, снег вернулся на место, где и был – на дома, на землю, на деревья, на красную шубу Деда Мороза. Маша с удивлением увидела, что над ней образовался прозрач-

ный колпак, пространство вне его завибрировало, надавливая на барьер, и тот вот-вот прорвется. Началась выюга. Мир со снегопадом завертелись в дикой карусели, дома заплясали за краем колпака, по краю бури. И снова звук, медленно, громко – так... тик... и быстрее – так-тик...

Время шло обратно.

...И вот Маша стоит перед дверью в квартиру Даниила. Она пришла встречать Новый год.

Вероятность вторая

Время до полуночи пронеслось быстро. Постоянно звонили то в дверь, то не давал покоя телефон. Данька, смеясь, реально разрывался на части, получая от этого несказанное удовольствие.

Перед тем как часы начали отсчитывать двенадцать ударов, он достал из холодильника бутылку шампанского и, собираясь открыть, спросил:

– Мышонок, что бы ты хотела пожелать на Новый год?

– А ты?

Даниил замер с бутылкой в руках.

– Я бы хотел, чтобы наша фирма стала ведущей в отрасли, чтобы меня назначили... наконец-то! Да, мне нужна эта должность! И...

Маша, видимо, изменилась в лице, Даниил спохватился:

– Маш? Что-то не так? Ну тогда давай, скажи, чего бы

хотела ты. Сначала скажи ты.

– Я... хочу. Чтобы у тебя... Наконец! Было! Время! На меня! – под конец Маша выкрикнула фразу отдельно, по словам, чувствуя, как душу захлестывает истерика.

– Нет, ну Мышонок, ты чего, а? – удивился Даниил. – Все же хорошо!

– Что хорошо, ну что? Дань, ну сколько можно? Я жду тебя, постоянно, а этот год – это вообще кошмар, ты больше не был, чем был, а ты думаешь о чем угодно, кроме меня, даже в новогоднюю ночь! Ну можем мы хотя бы сегодня говорить не о делах! И не о других! О нас!

– И это вот всё ты мне решила высказать именно сейчас? Когда часы двенадцать бьют? Хороший подарок, ничего не скажешь, – с сарказмом произнес Данька, вернув неоткрытую бутылку на стол. Часы пробили полночь.

Зачем-то встал, отвернулся от Маши, надел пиджак, что висел на спинке стула. Опустил руку в карман.

– Даня? Я что, буду разговаривать с твоей спиной?

Даниил молчал.

– Всё бесполезно, всё! Я так больше не могу! Я тебе нужна вообще – хоть немного?

Не дожидаясь ответа, Маша выскочила в прихожую, сунула ножки в сапоги, накинула куртку и выбежала.

Через секунду в дверях показался Данька.

– Маша? Вот дурёха! – в сердцах выругался он.

Девушка бежала, неслась, не разбирая дороги. Белые хло-

пья застилали глаза, Маша плакала и вытирала ладошками лицо, но это помогало мало – колкий снег падал с неба, кружил и заметал всё вокруг, и вкуче со слезами мешал смотреть.

Маша перебежала дорогу на красный свет и не заметила этого. Ей казалось, что кто-то кричит вслед, но какая разница? Взрывались салюты, вверх со свистом летели горящие свечи фейерверков и рассыпались букетами искр.

Она не хотела оборачиваться.

Внезапно девушке показалось, что разноцветные огни зависли, замерли на фоне вязкой глубины неба. Воздух стал тягучим, плотным, послышался визг тормозов автомобиля, глухой удар и...

Маша чувствовала, что внутри всё леденеет. Время и пространство остановились, замёрзли. Холод тонкими пальцами забирался под курточку, сковывал плечи, руки, проникая до самого сердца. Маша медленно обернулась.

На дороге, совсем недалеко, в нелепой позе лежал Даня. Снег кружился и опускался на лицо, на тёмные волосы, плечи, на неестественно вывернутые руки и ноги, а рядом водитель что-то беззвучно орал в мобильник.

Недалеко валялась маленькая бархатная коробочка, выпавшая из кармана пиджака Даниила. Снег заметал раскрывшийся кубик, а колечка с камушком, утонувшего в грязном месиве, было вообще не разглядеть.

«Скорая» приехала на удивление быстро.

– Это я, я во всем виновата, только я, – бормотала Маша, захлёбываясь рыданиями. У неё было чувство, нет, твёрдая уверенность, что в случившемся виновата именно она.

– Жив, всё в порядке, не убивайтесь так, – кто-то тронул девушку за плечо. – Надо же, куда так несло, раздетого – вот торопыга...

Пожилой доктор старался говорить мягче.

– В общем, отделался парень легко – сотрясение, перелом голени и ключицы... куда ж без этого. И то – чудо. Никаких внутренних повреждений. Теперь некоторое время проведет у нас. Ничего, полежит, отдохнёт, вы можете приходиться к нему, когда захотите. Новый год же. Не дело одному оставаться в такое время.

Маша дёрнулась, последнее слово ударило в голову сильнее шампанского в новогоднюю ночь, и нечто смутное пронеслось в памяти. Время...

В конце коридора показалась фигура в красном.

– Дед Мороз? – пробормотала Маша.

– А, да, поздравлял наших больных.

– Дедушка, дедушка!.. – её голос сорвался.

– Вот чокнутая, – покачал головой доктор. – И что их тянет в Новый год отношения выяснять? Сидели бы дома, пили да праздновали. Нет же... собирай потом по частям. Этот ещё хорошо отделался...

Девушка догнала Деда Мороза и повисла на нем.

– Выполнимоёжеланиевыполнивыполни!– выпалила на одном дыхании. – Отмотай время назад! Чтобы не было этой ужасной аварии, чтобы ему не пришлось проводить время в больнице! Пожалуйста! Это несправедливо, он не заслужил! Он же потеряет столько времени! А оно ему так нужно! Особенно сейчас, когда его фирма, новая должность... он не может сейчас лежать в больнице! Пускай у него будет всё время, всё!

Дед Мороз посмотрел на неё, как на знакомую, и, ничего не уточняя, сказал:

– Но тогда где-то в другом месте время отнимется, понимаешь?

– Понимаю! Пускай!..

– Уверена?

Девушка кивнула.

Вероятность третья

У Даниила не было ёлки, ничто в его идеальной квартире не указывало на то, что скоро наступит Новый год. Зато у него было хорошее настроение. А это важнее всего.

Данька достал из холодильника бутылку шампанского. Открыл мастерски, с хлопком. Как выстрелило.

– Что ж так рано-то открыли?

– Ну... а вдруг потом будет не до этого, – неожиданно игриво произнес он.

Маша не ответила.

– Загадывай желание, Мышонок, – произнес Даниил, когда часы начали бить полночь.

– А ты? Что ты хочешь?

Данька собрался ответить, но зазвонил мобильник.

– Прости, сейчас, – кивнул он Маше. Девушка так и замерла с бокалом в руке.

Последний удар часов ознаменовал явление Нового года.

Желание загадать не удалось.

– Представляешь, Мышонок, – произнёс Даниил, положив телефон на стол. – У Володьки жена родила, богатыря, четыре килограмма, еле-еле сама справилась – вот молодец, ну ты представляешь? Вот совсем недавно, а этот шалопай на радостях напился, ну, подрался слегка и в полицию попал... под Новый год! Надо идти вытаскивать. Вот же! Папаша новоявленный... чего от счастья с человеком не случается!..

Он так воодушевился, словно ребёнок был его собственный. А ведь их сыну могло бы быть уже года три. Или даже четыре.

Данька взял со спинки стула пиджак. Маша не выдержала. В неё словно чёрт вселился.

– Дань, стой! Ты что... прямо сейчас?..

– Ну да... поехали?..

– Я... не хочу... никуда... ехать! Я! Хочу! Чтобы у тебя! Было время! На меня!

– Мышонок, ну чего ты? – Даниил изумился. – Там же

человек родился, а Володька...

– В полиции, ага. Я поняла. – Маша невероятным усилием воли подавила истерику. Нет. Не сейчас, не в новогоднюю ночь. – Езжай, конечно. Ты там нужен.

И не выдержала, выскочила из-за стола, метнулась в прихожую, засобиравалась.

– Маш... ты куда? Давай не будем портить Новый год друг другу! Володьке поможем, и тогда...

Эмоции взяли верх.

– И что тогда? Ничего же не изменится, ничего! У тебя на всё и на всех есть время – но не на меня! Всё, теперь у тебя точно будет много, очень много времени – я больше не буду его тратить! Никогда! Я тебе это клятвенно обещаю!

Она снова засуетилась, не попадая в рукава, роняя куртку на пол.

– Ну и куда ты? Ты нужна мне. Ты же знаешь!

– Знаю, – она замерла с курточкой в руках. – Но я не могу соперничать со всем миром. И со временем. Тем более, которого у тебя для меня нет.

Данька стоял молча. На лице у него отражалась целая гамма чувств – но непонимания было больше всего.

– Прощай. И не звони мне больше! Никогда, слышишь?

Она выскочила из квартиры. Слезы застилали глаза, почти ничего не видела, главное было – бежать, подальше, ведь пообещала больше не тратить его время. Пускай у него и правда будет всё время, которое ему нужно. Без неё.

Через минуту Данька выскочил следом – как был, в пиджаке. Холод пронизывал насквозь, ветер выл дико и засыпал глаза колкой белой крошкой, ничего не видать. Было на удивление темно – тяжёлые тучи закрывали звёзды, фонари мертвенно мерцали в снежном мареве.

– Маша! Маша! Вот же чёрт! Ма-а-аш!..

Куда она побежала, Даниил не видел. Теоретически куда угодно – на все четыре стороны... и где искать? Вот же взбалмошная какая! И что на неё нашло именно сейчас? Он сунул руку в карман в поисках мобильного – того не было. На столе остался. Данька снова выругался. Пальцы наткнулись на маленькую коробочку, он вытащил её, крутанул, в сердцах запустил бархатный кубик в снегопад. Упав на тротуар, она раскрылась, и маленькое колечко с камушком покатило в снег.

В неверном свете фонарей впереди мелькнула светлая курточка.

– Ма-а-аша! – заорал Данька и кинулся за ней. – Ма-а-аш, стой!

Ветер дул в лицо и уносил голос прочь. Не услышала. Или не захотела?

Даньке хотелось думать, что не слышала. Когда расстояние между ними сократилось, он снова закричал:

– Ма-а-ашка-а-а!

Девушка остановилась. Очень медленно обернулась.

Медленно, как в кино, сделала несколько шагов обратно,

ступила на проезжую часть дороги.

На его глазах вынырнувшая из снегопада на полной скорости машина светом фар ослепила обоих, и Данька заорал, почти физически, на себе, ощутив через мгновение последовавший удар.

Бесконечно долго длился момент, когда машина вреzáлась в Машу, и девушка, странно выгнувшись, крутанувшись, отлетала в сторону, падала... и осталась лежать в неестественной, изломанной позе, а на разметавшиеся по грязи светлые волосы падал белый-белый снег.

В безмолвии и безвременьи, в которые провалился мир, всё остановилось.

Доктор появился в дверях и отрицательно покачал головой.

Даниил смотрел на доктора во все глаза, не отрываясь, надеясь, что тот сейчас улыбнется и скажет, что всё в порядке, но тот устало потер лоб и повернулся, чтобы уйти.

Данька уронил голову на руки.

«Маша, Мышонок мой... как же так... Я дурак... Ну почему... чёрт, Машка... Машенька, родная...»

Внезапно вспомнилось, что она пообещала больше не тратить его время. Выполнила...

Хотелось выть.

Время. Казалось, впереди целая жизнь, и завтра... Завтра, все завтра. Потом. На следующей неделе...

Если бы он только мог предположить, что времени у них так мало! Если бы он только мог предположить, то что? Уделял бы ей внимания побольше? Наверное... Если бы можно было всё вернуть назад.

Постороннему человеку могло показаться, что парень задремал или кого-то ждёт.

А у него просто закончился мир. Наступил личный, Данькин, конец света.

Было поздно, и ничего уже не изменить. У него теперь много времени. Очень. Не нужно пытаться что-то совмещать, спешить, разрываться... Можно делать всё, что угодно. А Маши... её больше нет.

Дед Мороз не мог оставить Снегурочку с её желаниями один на один. Но и не мог предположить, что всё обернется так. Сидя недалеко от входа в больницу на лавочке, он качал головой и бормотал себе в усы:

– Старый я сентиментальный дурак... Эх, люди... Если каша в голове – нечего желать что попало...

Он достал из кармана потрепанную записную книжку, открыл, перевернул пару страниц. Медленно водя пальцем по строкам сверху вниз, читал, и лицо его мрачнело. «Мария» (в скобках: Снегурочка), далее следовали отчество, фамилия, год рождения, некоторые моменты биографии. И последняя фраза на странице: «лимит исчерпан». Оказывается, Маша слишком много просила чудес за свою недолгую

жизнь, мелких и крупных, для себя и для других. Да она и не смогла бы больше ничего пожелать – в этой вероятности.

Мёртвые ничего не хотят.

Зато на страничке у Даниила оказалось куча неисполненных желаний. Этот мужчина словно родился взрослым и в чудаеса почти не верил. «Всего добивается сам», – так и было написано рядом с именем.

«Если бы можно было вернуть время назад, я бы всё изменил. Машка, мой Мышонок...», – подумал в этот момент Даниил, и Дед Мороз улыбнулся.

– Надо же – люди, – снова забормотал он. – Столько всего могут. А не могут порой выбрать единственно для них нужное. Знали бы, на что способны... На чудаеса же почти! Вот даже время повернуть вспять... теоретически. Хотя это к лучшему. Умели бы сами, без волшебства – небось, пробовали бы до бесконечности, перебирая вероятности в поисках подходящей.

Дед Мороз никак не мог понять, почему бы не писать жизнь набело с первого раза? Не всем дается шанс что-то изменить. Не всем. И не всегда.

А порой – ничего уже и не исправить.

Единственная вероятность

– Маш, ну не романтик я, ты же знаешь, – улыбнулся Да-

нии, в глазах озорно заблестели огоньки. Стало светло и радостно, словно в комнате гирлянду новогоднюю включили.

– Знаю, – ответила она. – Знаю. Обойдемся без ёлочки.

Они сидели на диване, Данька обнимал Машу, и ей не хотелось шевелиться. Ничего не хотелось. Она крепко держала его за руку, словно боялась, что тот убежит. Или исчезнет. Данька – о, чудо! – отключил мобильник, и никто не заявился в гости.

– Я никому не сказал, что вернулся сегодня, – объяснил он девушке. – А то житья бы не дали.

Маша большую часть вечера слушала и слушала, почти ничего не говоря, лишь смотрела на любимого, дорогого и такого родного, внимала каждому слову и таяла от тепла его взгляда. Ради этого стоило ждать. А потом, когда Данька стал расспрашивать, как она провела последние дни года, рассказала всё. О работе, о том, что хочет взять отпуск за свой счёт, именно посреди зимы, о том, как была Снегурочкой, о том, как приятно радовать детей, как иногда легко сбываются желания – ну, что стоит поинтересоваться у ребенка, чего бы ему хотелось, а потом тихонько отдать подарок Деду Морозу или Снегурочке. Не обман же – чудо... О том, как она устала, просто устала, и как ждала его, Даньку, и как рада, что он приехал и сейчас – тут.

Только о том, что тосковала ужасно, промолчала. Не надо его расстраивать.

– Знаешь, Маш, в следующем году, думаю, многое изме-

нится. Правда, мне какое-то время придется провести в командировках... в январе.

– Ну так остановись? Прекрати эту гонку, Дань... пожалуйста. Так невозможно. Совсем... невыносимо.

– Не могу. От меня слишком многое и многие зависят.

– А я?

– Но ты же есть.

– Я есть...

«Просто есть, – хотела сказать Маша, – как стол, как стул...»

Но Данька успел произнести:

– Бедный мой Мышонок.

И поцеловал – нежно, тихонько. Девушке показалось, что она растворяется в ласке. Было тепло и счастливо. Желание говорить колкости исчезло. Вместо этого через несколько минут, прижимаясь к нему так сильно, как только могла, произнесла:

– Что ты хочешь на Новый год? Что будешь загадывать?

– Чтобы всё разрешилось, стало полегче, правда. Чёрт, Маш, я и сам устал. Ты не представляешь, как. А ещё кажется, если остановлюсь, то это буду не я. Но... Переживём январь, а там... будет видно. Мой ты Мышонок...

Он обнял её крепче и продолжил:

– Как ты меня терпишь, я не знаю. Но вот что, Маш...

– Что?

– Я тебя люблю.

– И я тебя, – прошептала она и уткнулась носом в плечо. – Ты лучше всех.

Последние слова Маша произнесла, обращаясь к Данькиной рубашке, прижимаясь ухом к груди и слушая, как мерно бьется его сердце. Тук-тук... тук-тук... почти как часы. Его сердце. Её сердце.

Почему-то казалось, что у них впереди очень-очень много времени. Общего. На двоих.

Даниил думал о том, что Машин отпуск за свой счёт как нельзя кстати. Если всё пойдет как надо, то на весь февраль они укатят отсюда куда-нибудь. Всё равно куда, лишь бы подальше от суеты, от всего и всех... побудут вдвоем. Работа подождет. Никуда не денется. В конце концов, он много сделал, закончит в январе – имеет право отдохнуть.

И в этой вероятности у Даньки было кольцо в кармане в бархатной коробочке. И снова он не сделал то, что хотел. Зато новогоднее чудо всё-таки произошло – в этой, последней и единственной реальной вероятности Данька думал о том, что он на самом деле любит Машу – ужасно любит. И он никому её не отдаст. Правда, вроде никто и не собирался отбирать... но у него было чувство, что он терял Машу за последние несколько часов трижды.

И больше не собирался.

Где-то в городе по одной из улиц шествовал высокий ста-

рый человек в красной шубе до пят. У него была длинная белая борода и седые волосы, выбивающиеся из-под заливчатски заломленной на бок шапки.

Он знал, что тут, неподалеку, живут ещё несколько человек, которым никак нельзя без новогоднего чуда. Сегодня можно и со временем пошалить, и вероятности перебрать... сегодня всё можно. Только люди... они всегда решают сами. Просто покажешь им парочку вероятностей, глядишь, и выберут единственную.

Мужчина шёл по завьюженным улицам, отмеряя каждую пару широких шагов взмахом серебряного посоха. Его удары о замёрзшую землю были почти не слышны – терялись в мягком глубоком снегу. Снег валил с неба, снег был вокруг, везде – на деревьях, на крышах домов, на капотах машин и на плечах Деда Мороза. Самого настоящего.

Улыбаясь в белоснежные усы, по городу шёл Дед Мороз. А вьюга заметала его следы.

Просто тень

*Почти виртуальная история
с благодарностью Г.Х.Андерсену*

«Теодор-Христиан, браво!»

За окном на три голоса развопились коты, ознаменовав особо мощным аккордом мой восклицательный знак.

Я откинулась на спинку стула.

Вот это да! Кем бы ни был мой виртуальный собеседник, общаться с ним – одно удовольствие. Он был невероятно умён, невероятно! На какую тему я не завела бы разговор – он знал *всё*. Такого я ещё не встречала! Нет, ну, конечно, сейчас можно погуглить и найти любую информацию, но он информацию не искал. Он *знал*. Я была в этом абсолютно уверена.

Мы общались так часто, как только я могла себе позволить. Последнее время это происходило онлайн, и я видела, что текст он мне *набирает*, а это значило, что не пользуется «горячими клавишами» ctrl c и ctrl v. Да, мне откровенно льстило, что такой умнейший человек тратит время на общение со мной! Я-то кто? Обыкновенная совсем, совсем обыкновенная!

Но мой собеседник был великолепен.

Когда я впервые наткнулась на его блог, я читала, читала и читала, а потом решила появиться. Интернет – интересное место: можно с лёгкостью написать незнакомому человеку. Порой завяжется общение, порой – нет. Спрос с комментирующего невелик, всегда можно отказаться от диалога. Не открывать вкладку. Может, не очень вежливо, но – факт. Интернет... Все примеряют маски. Даже тот, кто становится откровенным, выворачивает наизнанку душу – и он носит маску, маску откровенности.

В жизни этот человек наверняка не такой.

А уж сколько масок классических, что называется! Тут тебе и Арлекин и Пьеро, и Бэтмен, и Серый Волк и Красная Шапочка, и даже двойник Дарта Вейдера из «Звёздных войн» наверняка есть. Каждый примеряет маску по себе и потом играет, пока есть охота. Кто-то старательно, не выходя за рамки образа. Кто-то сбивается и получается полнейшая ерунда...

Вот и я наткнулась на дневник такого игрока. Теодор-Христиан, понимаешь ли! Тень! Виданное ли дело – Тень! Не самый популярный, однако, персонаж. Хотя у Андерсена и своеобразные сказки, многие из них популярны и перепеты-пересказаны сотни раз, эта – не самая известная. Нет... известная – не самая растиражированная, пожалуй.

Сюжет прост: жил-был человек, звали его Христиан-Теодор, у него была тень, а потом тень сама стала... нет, не чело-

веком – но двойником человека, воплотив в себе всё тёмное и злое. Про подробности умолчу, не суть. Суть – две части – две стороны одной личности. И назвалась вторая сторона наоборот – Теодором-Христианом. И – самое главное – тень не могла жить без человека. Вечный сюжет сказок... и диагноз в психиатрии. Кто мой собеседник – сказочная Тень, зло, противостоящее добру, или ненормальный, по которому больница плачет? Это ж надо, имечко какое себе взял... и не жутко ему в такие игры играть? Впрочем, мне не страшно точно – это же Интернет. Всегда можно выключить компьютер.

Но вдруг это кусочек сказки? Так хочется заглянуть за угол – что там?..

Честно говоря, мне казалось, что сказки, настоящие волшебные сказки Андерсена давно никто не читает. Никто не читает и пьесы Шварца. Кроме меня?..

Я читала.

И зачиталась.

«...У вас, Теодор-Христиан, здесь очень интересно. Сильно, стильно и «в характере». Ваш слог и манеры безупречны, и я долго думала, прежде чем написать здесь, у вас. Увы, мне не хватит сил и умения выдержать столь изысканную манеру общения, в этом мне не состязаться с вами. Мой собственный стиль не выдерживает никакого соперничества с вашим, что, впрочем, не удивительно, учитывая, что я всего лишь

человек. Впрочем, я и не собираюсь состязаться с вами ни в чём. Я не тень...»

«Всегда рад».

Вежливо, лаконично, просто, и без намёка на продолжение общения.

Но разве я могла остановиться? Разве можно остановиться и прекратить читать *откровения Тени*? Нет, нельзя, никак нельзя!

«Теодор-Христиан, не сочтите за наглость, но вы произвели на меня неизгладимое впечатление. Я буду с вами откровенна. Вы оригинальны; настойчивы, упрямы – нет, упорны. Вы смелы – нет, вы прямолинейны и идёте напролом. Вы умны, о, несомненно – вы умны и талантливы, вы идёте к цели... Вы игрок: и мне очень любопытно, зачем вам сейчас эта сказка».

«Останьтесь со мной, вы все поймёте со временем».

«Вы почитатель своих создателей – Андерсена и Шварца? Не думаю. С одной стороны, да, несомненно, с другой – не в этом дело. Не только в этом дело. Вы почитатель образов, созданных в кино? Если да, то какого? Было две Тени, одна интеллигентная и милая, вторая Тень – беспринципная и озлобленная, но более привлекательная. Каков ваш, именно ваш образ?»

«Я – Теодор-Христиан...»

Амбиции, злость, ненависть, жалость по отношению к тому, чьей тенью он был, вместе с кем родился и рос и к кому он, видимо, до сих пор был привязан гораздо больше, чем хотелось бы. Сколько же было в этих записях – всего! Откровения. Откровенные до невозможности, но, в то же время, закрытые настолько, что хочется узнать, что же он думает на самом деле. И вот я читаю – взхлёб, сначала по вечерам, потом – днями и ночами, на работе, с телефона, в транспорте, порой даже на улице заглядываю в Интернет – нет ли чего нового? В каждой фразе – высокомерие, жажда величия, злость, и отчаянная тоска – от того, что он *не человек*.

«Вы злитесь, Теодор-Христиан... за что? О, не говорите, что это не так. Это читается чуть ли не в каждой вашей фразе. Вы злитесь не на вашего человека, нет – вы злитесь на всех за то, что долгое время были просто чьей-то тенью. Это не хорошо и не плохо, и в этом нет ничьей вины – просто «такова природа вещей». Вы могли бы благодарить вашего человека за то, что позволил идти своей дорогой – вы же мстите ему за то, что вы не человек. Это... неразумно. Он не виноват. Вам не жаль его? Как бы высокопарно это ни звучало, он – ваш создатель. А его любимая? Эта наивная дурочка во все не пара вам. Зачем она вам? Поймите же, вы были тенью – никем, а потом смогли жить самостоятельно – а ваш человек тоже выжил, хотя и не должен был. Теперь вас двое, вас тянет друг к другу – но вы разные! И живёте каждый своей

жизнью. Живите же!»

«Я не человек. Я не умею злиться».

Умеет, о, как он умеет!

«Вы так многого хотите – вы хотите *всего*, но внутри у вас пусто, и вы пытаетесь заполнить эту пустоту ненавистью, местью тому, кто ни в чём перед вами не виноват. Впрочем, это ваше право. Не мне советовать, как вам поступать. Каждый волен выбирать – и вы тоже, только помните, что вы не можете жить без вашего человека. Уничтожьте его – погибнете сами, ну, вспомните сказку! И в сказках, между прочим, добро побеждает зло».

«Добро побеждает зло? (*тихий смех*) Вы и правда в это верите? А вы помните, чем закончилась сказка?»

«Конечно. Христиан-Теодор победил».

«Вы правда так думаете? А где сейчас Христиан-Теодор? Неизвестно. А я – здесь, и говорю с вами. Говорю с вами, и вы понимаете меня! Может, всё это было частью моего плана?»

Потрясающий человек! Как ему удастся быть настолько в образе? Я всё время срывалась на эмоции, на длинные пассажи о добре и зле, а он... парой фраз ставил меня на место – давая понять, что я обыкновенная, а он – Тень. И, в то же время, намекая, что я – необыкновенная и со мной ему интересно.

«Удачи вам, Теодор-Христиан. Вас может ждать великое

будущее, если вы сделаете правильный ход. Вы уже не тень: вы Теодор-Христиан. У вас у обоих – у Христиана-Теодора, у вашего бывшего человека, и Теодора-Христиана – у каждого сейчас есть по новой тени. Вас не двое – вас четверо. Вы никогда не думали об этом? Зачем вы держитесь за своего старого хозяина?»

«Кто вам это сказал? *(снова тихий смех)* Это Христиан-Теодор держится за меня. Никак не может пережить, что я обрёл самостоятельность и не нуждаюсь в нём. Вы, люди, всегда хотите быть главными, всегда думаете, что вам дано право контролировать всё – даже тень. Но тень не подчиняется вам. Осознав это, вы впадаете в меланхолию, становитесь уязвимы. И тогда я выхожу играть свою роль. Главную роль».

Как я ждала бесед... Как я мечтала о наших разговорах! Понемногу реальная жизнь отошла на второй план – на работу бегала на автомате, обдумывая там последние сказанные им слова и планируя, что сказать в следующий раз, чем зацепить. Чем заинтересовать. Прекрасно понимала, была уверена, что за громким андерсеновским именем скрывается обыкновенный человек, которому нравится играть свою роль.

Мне он был интересен.

«Теодор-Христиан, а вы любили когда-нибудь? Если вы считаете себя равным человеку, значит, вам должны быть из-

вестны человеческие чувства, такие, как любовь, верность, нежность, сочувствие. Впрочем, на все мои вопросы вы имеете полное право не отвечать – и прошу прощения, если я бываю слишком, непозволительно прямолинейна. Вы страшный человек, Теодор-Христиан. Да-да, вы не ослышались, я назвала вас человеком. Ибо только человек может любить и ненавидеть – вы не любите, но ненавидите – несомненно».

(Смех) «Ненависть сильнее, чем любовь. Любовь слаба и мягкотела – я видел её, она похожа на медузу, которая не жалит. Ненависть остра как сталь и тверда, как камень. Ненависть движет миром. С ненавистью можно многого достичь. Не пробовали? Попробуйте, вдруг вам понравится».

«Нет... не хочу. Не хочу ненавидеть, зачем? Ненависть разъедает душу».

«У вас есть душа?»

«Конечно. У каждого человека есть душа. А у вас есть душа, Теодор-Христиан?»

Молчание. *(Теодор-Христиан вышел из сети).*

Через несколько часов:

«У Тени нет души. Поэтому она сильнее человека. Поэтому она может всё, на что не осмелится простой мягкотелый человечешка».

Через пару минут:

«А зачем вам ваша душа?»

«Как – зачем? Чтобы жить, чувствовать, любить».

«Любовь – атавизм. Жить – достаточно разума».

Разума мне определённо не хватало. Все мои чувства, все эмоции были там – в беседах с Тенью. Понемногу я поняла, что жить не могу без этих разговоров!

Дом зарос грязью. На самом деле зарос, но мне было всё равно. Дочка убирала как могла – а могла она мало, так как училась на первом курсе института. Она взяла на себя львиную долю домашней работы. Стирка, готовка, закупка продуктов... Как это вышло – я и не заметила.

Я прекрасно понимала, что, повстречайся с таким «человеком» в реальности, дала бы дёру. Ненормальный, скорее всего. В сети мне не было страшно. А любопытно – ужасно!

«Интернет – место, где каждый выбирает маску по себе. Я встречала разные маски: ваша выглядит достойно. Играйте, Теодор-Христиан, сколько хватит сил и желания, разыгрывайте вашу партию. Я получаю удовольствие от исполняемой вами роли – словно нахожусь в театре, на сцене которого ставят мою любимую пьесу. Так что с интересом буду наблюдать за вашей сказкой. Ещё раз приношу извинения за некоторую навязчивость и многословность. Оставляю за собой право говорить с вами на равных. И спасибо: не каждый день выдается случай поговорить с Тенью».

О, какой я казалась себе решительной, умной! Нет, смелой и мудрой. Мы словно состязались в красноречии, наши

пикировки порой принимали опасный оборот.

«А вы хотели бы повстречаться с вашей собственной тёмной стороной?»

«Я? Ни за что!»

На самом деле хотела бы. Очень. Встретить саму себя – увидеть, на что способна тёмная половина... да и вообще, есть ли она у меня? Окружающие всегда считали меня милой и доброй, ласковой и уступчивой.

Правда, на работе в последнее время мне пару раз сказали: «ну ты и стерва стала...»

Я-то? Да не может быть! Ух, как я возгордилась! В жизни никто мне такого не говорил! И сразу понеслась рассказывать об этом Тени. Он меня... похвалил!

Радости не было предела. Как же – такой человек, интересный, умнейший, меня – хвалит!

Правда, дочка однажды спросила:

– Ма, что случилось? Чего ты такая злая последнее время? Неприятности на работе?

Я сорвалась. Надо же – чуть ли не впервые в жизни кричала на неё! Самое «доброе», что было мной сказано – яйца курицу не учат и не её это дело.

«А ты изменилась!»

Тень впервые заговорил со мной на «ты».

«Я? Нет же».

«Изменилась. Такой ты мне нравишься. Более смелая, ре-

шительная... привлекательная. Становишься хозяйкой своей жизни».

«А до этого я была кто?»

«Никто».

Это было обидно. Это было неприятно! Ужасно хотелось доказать – ему! – что я сама себе хозяйка, что я делаю только то, что хочу и всё в моей жизни замечательно.

Всё? Нет, не всё...

Меня страшно всё раздражало – в реальности. Люди казались некрасивыми и глупыми, все, практически все. Дочка – дурочкой. Муж, который, на счастье, находился в командировке на стажировке в другой стране, обижался, что я посреди разговора бросаю трубку – а что он, собственно, хотел? Он сам-то чем там занят? Так я и поверила, что только работой. Наверняка, развлекается вовсю. Интересно, с кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.